

ДАРЬЯ КАСС

РЕЦЕПТ НА
МИЛЛИАРД.
ЛЮБОВЬ СО ВКУСОМ

Дарья Касс
Рецепт на миллиард.
Любовь со вкусом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73362733

SelfPub; 2026

Аннотация

Он неприлично богат. Я – брошенная мужем-неудачником дурёха. Он искал повара для дочери подростка. Я – любую работу, куда возьмут с дипломом, но без опыта.

Между нами пропасть, которую не перепрыгнуть, и красавица невеста под стать ему.

Нам не быть вместе даже в самых дерзких фантазиях. Нужно держаться от него подальше и помнить: такие, как он, не влюбляются в таких, как я.

Содержание

1 глава	4
2 глава	10
3 глава	18
4 глава	24
5 глава	30
6 глава	35
7 глава	41
8 глава	49
9 глава	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Дарья Касс

Рецепт на миллиард. Любовь со вкусом

1 глава

Марина

Май обрушился на город птичьим переливом, запахом весенних цветов и непривычно слепящим солнцем после затяжных пасмурных дней. На клумбах возле нашего подъезда распирало тюльпаны, сирень уже собиралась взорваться, а с детской площадки доносились визги, те самые, когда у детей впереди целая жизнь под названием лето.

Я шла домой с пакетом продуктов и странным чувством тревоги. Вроде ничего не предвещало, но внутри всё время дёргался тонкий нерв: не больно, просто неприятно, как если бы в обувь попал песок.

Всё дело в Виталике. Десять лет брака, а ни детей, ни своей жилплощади, ни денег не нажили. Только его вечные обещания, что завтра-то он точно придумает гениальный бизнес-план и мы разбогатеем.

А я, дура, ждала и верила. Потому что деваться некуда. Единственную собственность – домик в деревне – продала

почти сразу после свадьбы. На великие свершения мужа в бизнесе, ага.

В лифте пахло чьим-то лаком для волос и кошачьим кормом. Я поднялась на наш этаж, привычно повернула ключ и услышала из квартиры не телевизор и не чайник, а хлопки дверок шкафа. Такие злые, рубленые, будто внутри шёл ремонт без согласования.

– Виталь? – позвала я и зачем-то улыбнулась, хотя одна половина мозга уже насторожилась и приготовилась к проблемам.

Ответа не было. Я прошла в коридор и увидела, как из спальни в сторону прихожей летит моя зимняя куртка и шлёпается на пол с тем резким звуком, с которым падают вещи, если их швыряют от раздражения.

Я застыла. Пакет с продуктами тихо тянул руку вниз.

Виталик стоял у шкафа, в руках охапка одежды. Он не складывал, не собирал, не думал. Он выдёргивал и бросал в большой чёрный пакет всё, что попадало под руку: футболки, рубашки, джинсы. Как воришка, у которого было несколько минут, чтобы вынести квартиру.

Машинально отметила, что он собирал только своё. Моё бельё висело на месте. Мои платья тоже. Такое вот благородство: уничтожать жизнь аккуратно, чтобы чужие вешалки не упали.

– Ты что делаешь? – спросила я. Голос прозвучал слишком ровно, будто и не мой вовсе.

– Собираю вещи, – ответил он и, наконец, посмотрел на меня. Не виновато. Скорее так как смотрят на мебель, которая мешает пройти.

И тогда из кухни послышался стук. Кто-то поставил чашку на стол.

Я повернула голову.

На нашей кухне сидела девушка. То ли двадцать, то ли тридцать – под слоем косметики не разобрать. Тощая, как восклицательный знак. Волосы собраны в хвост, дурацкая чёлка трамплином прятала низкий лоб, на лице выражение человека, который пришёл на дегустацию и с нетерпением ждал, когда же вынесут главное блюдо.

Она подняла на меня глаза и улыбнулась. Слишком спокойно.

– Привет, – сказала она. – Я Лера.

Лера. Конечно. Не Марина же, ведь Марина – это я.

Я посмотрела на неё, потом обратно на Виталика.

– Это... кто?

Виталик вдохнул, нервно так, раздражённо. Как перед презентацией проекта, который всё равно не согласуют.

– Марин, я хотел тебе сказать нормально. Но ты вечно с какими-то своими, – он махнул рукой в сторону пакета, делая из него главного виновника. – В общем, это Лера. Любовь всей моей жизни.

Слова были настолько нелепые, что на секунду мне стало не больно, а смешно. Не весело, а вот так, как смеются над

дурацкими шутками, которые вовсе не смешные.

– Любовь всей жизни, – повторила я. – А мы тогда кто?

– Я ошибся, – сухо сказал он. – Так бывает. Я не хочу больше врать.

Мне захотелось спросить: «А раньше ты чем думал, Виталик? Десять лет на помойку не выбросишь!» Но язык стал тяжелее чугуна.

Я прошла на кухню, стараясь игнорировать любовь всей жизни мужа. Поставила пакет на стол. Пакет шлёпнулся рядом с Лериной чашкой. Моей, кстати, чашкой, с трещинкой на боку. Девица не двинулась, только зыркнула на меня, как на прислугу, посмевающую помешать хозяйке.

– А вы, хм, давно вместе? – спросила я у неё в духе светской беседы.

– Уже полгода, – легко, даже с гордостью, произнесла Лера. – Просто Виталик не решался.

Конечно. Не решался. Зачем же тогда, интересно, не разрешал мне работать, заявляя, что сам сможет обеспечить семью? Зачем клялся в любви, выпрашивая борщ с пампушками? Зачем смотрел щенячьими глазами, когда в очередной раз прогорал на гениальной бизнес-идее?

Я взглянула на Виталика. Он стоял в дверях кухни, будто боялся, что я вцеплюсь в космы Леры, а ему придётся нас растаскивать. Наивный! Ещё руки об эту швабру марать!

– Собрался? Шустрый какой, – бесцветно произнесла я.

– Да, – ответил он быстро, страшась, что я передумаю и не

выпущу из дома. – Слушай, квартиру я тебе оставляю. Всё будет нормально. Ты справишься.

Вот это было даже красиво. Настолько красиво, что захотелось аплодировать.

– Ты серьёзно? – я кивнула на стены. – Ты оставляешь мне квартиру?

Виталик нахмурился, не понимая, почему я не падаю ему в ноги от благодарности.

– А что? Я же мог...

– Мог что? – я выдохнула, стараясь не рассмеяться. – Виталик, квартира съёмная.

Пауза вышла идеальная. Настолько, что где-то в ней должна была заиграть музыка из комедии.

Лера моргнула. Виталик моргнул тоже.

Ах, я разбила иллюзию успешного мужчины в глазах тощей любовницы. Он ей, похоже, наплёл с три короба про прибыльный бизнес, горы денег и безбедную жизнь. Ну-ну, конечно! Я-то знала, что каждый бизнес приносил только проблемы и убытки. Мой дом профукал, квартиру своей бабушки тоже. Поэтому мы последние два года ютились на окраине города в съёмной квартирке.

Но Виталик умел пускать пыль в глаза. Хороший костюм, идеально выглаженная моей рукой рубашка и солидный автомобиль. мало кто знал, что за мнимой роскошью не было ничего.

– Ой, я сказала лишнее, – прыснула я и повернулась к Ле-

ре. – Виталик – очень солидный бизнесмен, ага. Любит дешёвые сосиски и макароны, если что.

Виталик отступил на шаг, словно я шла на него с кулаками, а не издевалась на глазах любовницы.

– Ладно. Неважно, – пробормотал он и тут же выпрямился, возвращая себе важный вид. – Я всё равно ухожу.

Да, конечно. Когда аргументы закончились, неважно стало всё.

Он перекинул набитый чёрный мешок через плечо и кивнул любовнице.

Лера поднялась. Быстро. Как послушная собачка, которую позвали гулять. Она накинула на плечо ядовито-розовый рюкзачок, с которыми обычно ходят девочки-подростки, и посмотрела на меня, как смотрят на инвалида, который старается не отличаться от здоровых людей.

– Не держи зла, – бросила она вместо прощания.

И они ушли.

Дверь закрылась. Защёлкнулся замок.

2 глава

Марина

Сначала я стояла, как дурацкая статуя посреди музея. Потом пошла в спальню, надеясь найти настоящего Виталика, а не эту позорную копию. На полу валялись старые вещи, которые мой муж решил не брать в новую жизнь. Мой муж. Надо же. Теперь это звучало неприлично.

Я села на край кровати.

Вместо слёз и воя брошенной жены, в голове случилось странное: не истерика, не причитания, а бессердечная бухгалтерия. Как будто кто-то включил таблицу расходов и начал безжалостно подсчитывать.

Аренда – раз.

Коммуналка – два.

Еда – три.

Телефон.

Проезд.

И смешные копейки на карте. Потому что дела у Виталика, с его же слов, в последнее время шли не очень.

Надо что-то делать. Суесться, принимать решения.

Сначала хотела позвать подружек и выплакать все слёзы, но быстро отбросила этот вариант. Потому что Осанка начнёт орать «а я говорила!», в то время как Леська будет рыдать вместо меня. Вот уж фигурки, не позволю подружкам

забрать мои лавры брошенной жены.

Я полезла в шкаф, туда, где у нас хранились коробки с важным и не очень. В углу, под новогодними гирляндами и старым феном, нашлась пыльная коробка с документами. На дне две корочки: диплом колледжа по поварскому делу и моя гордость: диплом диетолога. На минуточку, медицинское образование, есть чем гордиться!

Я держала их в руках, и меня накрыло злостью. Не той красивой злостью, которая поднимает и делает тебя героиней, а бытовой, обидной: я училась, я хотела работать, я пыталась. А Виталик каждый раз повторял, как мантру: «Зачем тебе? Сиди дома. Я обеспечу».

Он произносил это так, будто делал мне подарок. А на самом деле просто запирали в комфортной клетке, чтобы я была удобной: без денег, опыта и собственной подушки безопасности на случай... Вот на такой случай.

Мне было тридцать. В резюме пустота. В кармане тоже.

Но сидеть и ждать, когда Вселенная сама оплатит аренду, бессмысленно. Я умела готовить. И считать калории. А это уже что-то.

Через час я уже шла на собеседование в ближайшее кафе.

Название заведения намекало, что там должны подавать круассаны и нежность: что-то про «Прованс» и «лаванду». На деле «лаванда» была только в освежителе воздуха, который пытался перебить запах старого жира.

Администратор встретила меня с холодной строгостью,

поздоровалась скомкано и сразу перешла к делу.

– Опыт есть? – спросила она, цепким взглядом осматривая с головы до пухлых бёдер.

– Нет, – честно сказала я. – Но есть образование.

– Медкнижка?

Я покрутила головой. Хотя сделать её можно за один день.

– Без опыта сложно, – вздохнула она, но почему-то всё равно повела меня на кухню.

И там я первым делом увидела таракана.

Он не прятался. Он бежал по столу так уверенно, будто у него был трудовой договор и рыжий костюмчик из комиссионки. Потом я заметила второго. И третьего. Да здесь целый департамент рыжих по надзору за качеством!

А потом где-то в углу мелькнул хвост. Не кошачий. Не собачий. Такой хвост, который в детстве показывают в мультиках, а во взрослой жизни он появляется только в местах, где санитария – трудновыговариваемое иностранное слово.

Я вцепилась в ремень сумки.

– У вас... – начала я.

– Нормально всё, – отрезала администратор, даже не посмотрев. – Главное – быстро работать. Справишься?

Я представила, как жарю котлеты под руководством крысы, и поняла, что я слишком люблю людей, чтобы так с ними поступать.

– Простите, – сказала я. – Не справлюсь.

И ушла сама, не дожидаясь, когда мне объяснят, что я

слишком брезгливая для повара.

На второе собеседование я поехала в ресторан.

Там было красиво: наполированное стекло, блестящий металл, свет, официанты с осанкой. Я даже на секунду поверила, что могла бы неплохо сюда вписаться. Белый поварской китель, накрахмаленный колпак и благодарности от солидных клиентов за идеальную прожарку мяса.

Шеф-повар оказался мужчиной в том самом, идеально чистом кителе и с выражением лица человека, который родился у плиты и сразу получил звезду Мишлен.

Он листал мои бумаги двумя пальцами и картинно хмурил брови.

– Тридцать лет, – сказал он. – Опыта ноль.

– Я быстро учусь, – закивала я. – Могу показать. Дайте мне задачу, любое блюдо...

Он усмехнулся.

– Покажете? Здесь? Сейчас? – он оглядел меня так, будто я предложила станцевать на столе. – У нас не кружок Очумелые ручки. Нам нужен человек, который уже работал в потоке. Понимаете? Поток – это не домашняя кухня.

Я понимала. Понимала даже слишком хорошо: он не собирался слушать. Я была для него не кандидатом, а поводом для шутки на перекуре.

– Спасибо, – сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– И совет, – добавил шеф, уже отвернувшись. – Возьмите планку пониже, потренируйтесь, наберитесь опыта. А потом

приходите.

Я вышла на улицу и вдохнула май. Май был всё ещё наглый. Птицы всё ещё пели. Люди всё ещё улыбались. Как будто не меня только что с позором выкинули из профессии.

Домой вернулась под вечер. В квартире непривычно тихо. Тишина звенела, готовая порвать барабанные перепонки. Хорошо хоть холодильник журчал, ворчливо приветствуя хозяйку-неудачницу.

Взгляд упал на стул, где сидела Лера, и вдруг я поняла, что мне хочется вымыть всё. Не из-за грязи, а чтобы стереть её присутствие. Но тут же подумалось, что много чести для тощей любовницы ещё и убирать за ней.

Я открыла ноутбук.

Сайт с вакансиями выглядел как витрина чужих жизней. «Требуется», «с опытом», «стрессоустойчивость», «командная работа». Я читала и чувствовала, как внутри растёт неприятное осознание: я никому не подходила. Человек без истории, а в тридцать это считается подозрительным.

Постоянно свербела мысль, что на карте осталось слишком мало, чтобы расслабляться. Внутренний бухгалтер бил в набат, требуя срочно решить вопрос, а не закрывать ноутбук и рыдать в подушку.

Я бесцельно обновляла страницу, в надежде увидеть объявление, где предлагают миллион за ничего неделание. Жаль, в разделе «Общественное питание» таких вакансий нет.

При очередном обновлении первым высветилось свежая вакансия, от которой у меня в голове сразу щёлкнуло:

«Требуется повар в частный дом, медицинское образование в области диетологии и нутрициологии будет преимуществом. Питание и проживание за счёт работодателя».

Да это же прям десять из десяти!

А ещё проживание.

Это слово встало перед глазами крупнее всех остальных. Не зарплата. Не требования. Проживание.

То есть, можно не платить Елене Павловне в конце месяца. Можно не побираться по друзьям, не возвращаться в квартиру, где всё напоминает, что тебя бросили ради стиральной доски с торчащей чёлкой.

Я открыла вакансию. Там было мало деталей: «семья», «без вредных привычек», «конфиденциальность». Адрес только район. Контакт – электронная почта и форма отклика.

«Конфиденциальность» меня насторожила. Что им надо такого секретного готовить? Человечину? Пирожные в форме мужского достоинства? Но возможность проживания перебивала все недостатки. Надо валить из этой унылой квартиры как можно скорее и без оглядки. Хоть куда. Хоть на кухню к диктатору-людоеду Бокассе.

Я приложила резюме, которое выглядело как честная пустота: образование есть, опыта нет, но умею то-то и то-то. Руки слегка дрожали. Как будто я не работу просила, а мил-

лиард в долг на полёт до Марса.

Нажала «откликнуться».

И только после этого меня накрыло. Не слезами, нет. Страхом. Потому что если меня не возьмут, то дальше будет уже не романтическая часть жизни, а суровая: искать комнату, продавать что-то, унижаться. А унижаться я умела намного хуже, чем готовить.

Ночью я почти не спала. В голове крутились крысы из кафе, шеф-повар с его усмешкой и Виталик, который уходил с мешком через плечо, как маньяк, решивший спрятать тело.

Утром май снова включил свою радость на полную мощность. За окном дети на площадке визжали ещё громче, кто-то стучал мячом об асфальт, и из окна чья-то бабушка звала Мишу на завтрак.

Я открыла ноутбук почти машинально, просто чтобы убедиться, что вчерашний отклик не был моим отчаянным сном.

На экране мигало уведомление.

«Приглашение на собеседование».

На всякий случай перечитала письмо дважды. Потом ещё раз. В нём был адрес. Время. И короткая фраза: «Просьба быть готовой к проверке документов».

Я смотрела на экран и чувствовала, как в груди одновременно поднимаются две волны: облегчение и тревога. Потому что шанс – это не подарок, шанс – это место, где ошибаться нельзя. Для человека, который всю сознательную жизнь

отдал в руки непутёвого мужа, первые самостоятельные шаги выглядели как хождение по раскалённым углям, вперемешку с битым стеклом. Но идти-то надо, даже если очень страшно.

Я закрыла ноутбук, быстро умылась, попутно разглядывая в зеркале пухлые щёчки со следами вековой усталости, и приняла единственно верное решение: на последние деньги сделать медкнижку. Без неё в общепите даже разговаривать не станут, а в частном доме и подавно.

Именно наличие плана стёрло с лица вселенскую скорбь по потерянными годам рядом с придурком Виталькой. Если есть цель, пусть не идеальная и не гарантирующая результата, а под цель имеется план, то даже лицо преобразалось, а в глазах появлялся огонёк. Ведь наконец-то, я сама принимала решения, как поступать со своей жизнью, а не заглядывала в рот мужа.

Я теперь хозяйка своей жизни, а не только кухни и кастрюль.

Ого, в голове это звучало довольно круто!

3 глава

Константин

Утро начиналось не с кофе, а с календаря, который, кажется, испытывал ко мне личную неприязнь.

Работа не отпускала даже дома. Среди нескольких сотен квадратных метров особняка, моим миром был кабинет. Как и на работе: целый этаж под офис, а у меня только кабинет. Пусть и с видом на весь город под ногами, но всё равно тюрьма.

Я выполз из спальни и вместо столовой пошёл в кабинет. Повар Пьер, не найдя меня за столом, принесёт кофе сюда. Он знает, как устроен мой мир, не задаёт лишних вопросов и не отвечает, когда не надо.

На экране телефона уже висели непрочитанные сообщения от юристов, финансового директора и двух руководителей отделов. На почте огромный файл с пометками по тендеру, который кровь из носа мне нужен: слишком уж жирный кусочек мог попасть в мои руки. И не только в мои, поэтому противостояние с конкурентами было как на войне: любыми доступными способами.

Я успел провести два звонка до того, как Пьер принёс кофе и что-то похожее на блинчики в его, французском, стиле. Глядя на кулинарный шедевр, захотелось простых пирожков. Тех, что когда-то готовила бабушка в деревенской печи.

Из которых повидно вытекало, потому что его было слишком много, и зубы слипались от вредного сахара.

Радость с самого утра: перенесли встречу с нудными партнёрами. Чудесное утро, можно не спешить повязывать удавку из галстука и ехать в очередной презентабельный ресторан, разглядывая козявку соуса посреди неприлично большой тарелки.

– Константин Иванович, они написали, что задерживаются. У них... – продолжала тараторить секретарь в трубку и на секунду замялась, выбирая между профессионализмом и смехом. – ...сломался частный самолёт. Пришлось лететь регулярным рейсом.

Я фыркнул под нос:

– Сочувствую. Ужасная трагедия.

Про себя добавил: главное, чтобы им в экономе не бились в спинку кресла орущие дети. Такие травмы смертельны для изнеженных бизнесменов. Люди, у которых в обычной жизни кресло в самолёте больше, чем диван в хрущёвке, не смогут смириться с толстым, потным соседом у окна. Страна может пережить кризис, но партнёры едва ли переживут полёт в экономклассе с коленями у подбородка.

Я на секунду прикрыл глаза и мысленно перелистнул день дальше. Встреча с партнёрами сдвинулась. Значит, появилось окно. Но не для отдыха: вместо него туда тут же попытались втиснуться ещё три задачи.

Консалтинг тем и отличается от медицины, что если ты не

отвечаешь на звонки, никто не умирает прямо сейчас, просто умирают сроки, репутации и жирные клиенты. Иногда это даже больше.

Телефон снова зазвонил. Я принял вызов, параллельно листая почту на ноутбуке. Директор по тендерам говорил быстро, как будто собирался оплатить каждое слово по тарифу.

И вдруг дверь моего кабинета распахнулась без стука.

Я едва успел поднять руку, чтобы прикрыть по привычке микрофон, когда в кабинет влетела Кира.

Она всегда входила так, будто пространство обязано перед ней расступиться. Высокая, выверенная до миллиметра: каблук, линия плеч, волосы, которые не могли лежать случайно, только по правилам золотого сечения. На ней даже спокойствие выглядело как макияж: дорого, точно и не для всех.

Я когда-то думал, что стержность – разновидность интеллекта. Что это такая быстрая реакция, способность чувствовать слабые места, не поддаваться обману и получать своё. Потом я познакомился с Кирой ближе и понял: стержность часто просто заменяет воспитание. И иногда – ум.

Но она была той женщиной, с которой должен быть мужчина вроде меня. Не молоденькая красавица с полным отсутствием интеллекта в глазах, и не пробивная баба, которая будет соревноваться с тобой в успехе. Кира – дорогое и редкое вино, которое украсит стол. Высшая лига среди всех

женщин, которые меня окружали.

– Ты занят? – спросила она, хотя ответ был очевиден: я держал телефон у уха, на экране ноута почта, явно не для любовных переписок.

Я медленно поднял указательный палец и, не отрывая взгляда от Киры, закончил фразу клиенту:

– Да, согласуйте финальную редакцию до вечера. По всем вопросам идите к Евгению Александровичу, он подскажет.

Сбросил звонок.

– Что случилось? – спросил я.

Кира сделала вдох, тот самый, которым начинают монологи в суде.

– Твоя дочь отказалась следовать плану питания, который я для неё составила, – сказала она так, будто речь шла о сломанной машине. – И не просто отказалась. Она... – Кира на секунду задумалась, выбирая степень приличия. – Она меня послала.

– Алёна послала тебя? – уточнил я.

– Да. И не как подросток, который буркнул что-то и убежал. Она специально. Осознанно. С выражением. С деталями.

Я устало потёр переносицу. Мне хотелось сказать: «Добро пожаловать в тринадцать лет», но Кире это было бы как подлить керосина.

– Она же ребёнок.

– Она не ребёнок, Константин. Ей тринадцать. Это уже

возраст, когда можно понимать, что такое уважение. Я пытаюсь выстроить с ней отношения. Я стараюсь. А она ведёт себя, – Кира махнула рукой, демонстрируя крайнюю степень оскорбления. – Как будто я ей враг.

Я посмотрел на неё внимательнее. На идеально нанесённую помаду, на безупречный маникюр, на взгляд, в котором обида мешалась с раздражением – и всё это было очень эффектно. Кира умела быть эффектной всегда, даже когда возмущалась подростковым хамством. Наверное, это талант: даже скандал превращать в демонстрацию бренда.

– Что конкретно произошло? – спросил я.

– Она сама же комплексует из-за внешности. Я принесла ей план питания. Нормальный, сбалансированный. Убрала мусор. Сладкое по минимуму, мучное тоже. Больше овощей, белка. И никаких этих, – она поморщилась. – чипсов! Я объяснила спокойно. И она сказала: «Отвали», а потом добавила ещё пару слов.

– Понял, – вздохнул я.

Кира скрестила руки.

– Ты поговоришь с ней? Или мне снова надо быть терпеливой и понимающей?

Я едва удержался от жёсткого ответа. В быту я не всегда был дипломат, но кое-чему меня научили клиенты: если хочешь результата – не начинай с удара в лоб.

– Поговорю. Сегодня. Но не сейчас.

– Конечно, – сухо произнесла Кира. – У тебя же работа.

Слова из её уст прозвучали так, словно кабинет подпольным клубом с толпой доступных девиц.

– Освобожусь через полчаса, – сказал я, глядя в календарь. – Прямо сейчас важные дела. Потом пойду к Алёне.

– Полчаса, – повторила Кира, фиксируя цифру в голове. – Хорошо. Я подожду.

Она развернулась и вышла. Дверь закрылась чуть громче, чем нужно, но не настолько, чтобы можно было придраться. Кира вообще умела раздражать без формального нарушения правил.

Я посмотрел на телефон. Ещё два пропущенных. Отлично.

4 глава

Константин

Полчаса превратились в сорок минут. Не потому, что я не хотел идти к дочери, а потому что бизнес не любит паузы. Один из руководителей проектов нашёл «маленькую проблему»: у клиента внезапно поменялся топ-менеджер, и новый хотел пересобрать стратегию. Обычно это означает, что человек хочет оставить на документе свой отпечаток пальца, а потом гордо тыкать в него. И плевать, что всё уже согласовано на всех уровнях.

Когда я, наконец, закрыл ноутбук, мне показалось, что в голове звенит тишина. Та самая, которая приходит после потока слов, цифр и обещаний, причём совершенно разных по смыслу и содержанию.

Я поднялся и вышел из кабинета.

Дом был устроен так, чтобы в нём можно было жить, не сталкиваясь лишней раз. Архитектурная версия компромисса, где у каждого свой угол, свои двери, свои привычки. Заработав состояние, я хотел именно такой дом: большой и статусный, где по гостиной можно гонять на велосипеде и не сшибать мебель. Где гости, открыв рот в изумлении, будут разглядывать минималистичный дизайн от крутого норвежского хрена в узеньких штанах.

Алёна занимала комнату на втором этаже, с видом на сад,

который мне некогда было даже как следует рассмотреть.

По лестнице я поднялся тихо, боясь нарушить тишину почти пустого дома. На втором этаже слышался характерный шум: короткие взрывы музыки, обрывки голосов, смех, какие-то бессмысленные звуки, которые, похоже, и были сутью происходящего.

Я постучал.

– Алён, можно?

– М-м, – донеслось из-за двери. Это могло означать что угодно, от «да» до «исчезни».

Не дожидаясь внятного ответа, я вошёл.

Алёна лежала на кровати, не разуваясь, и уставилась в телефон. Назло Кире, опять напялила на себя безразмерный чёрный балахон и рваные штаны, украденные у бомжа. На фоне розовых обоев и того же цвета штор, она выглядела внезапным захватчиком девичьих спален с планеты готов.

Экран перед её лицом вспыхивал и мигал миниатюрной дискотеккой. Она даже не подняла глаза. Только пальцем перелистывала дальше, дальше, дальше, будто реальность была скучной рекламой между тик-ток роликами.

– Отвлекись от телефона, пожалуйста, – мягко произнёс я.

Она медленно выключила телефон и отложила. Не спеша, с видом человека, который делает одолжение не отцу, а государству.

– Чё?

Я сел в компьютерное кресло, чтобы не зависать над ней,

как над подчинённым. В воспитании это редко помогает.

Алёна была почти мной в её возрасте. Живая, колючая, иногда чрезмерно дерзкая, неумело испытывая границы дозволенного. С подростковым лицом, где ещё не до конца решено, какая она будет – красивая, как мама, или слишком умная, как отец.

Она действительно немного поправилась: расплылись щёки, появилась округлость в плечах, первые прыщики неумело замазаны кремом. Но это не было чем-то критичным, когда впору вызывать бригаду реанимации для Киры. Обычная детская полнота на фоне скачков роста, гормонов и того, что в подростковом меню чипсы с шоколадками всегда будут на первом месте.

А Кира смотрела на неё так, словно перед ней стоял проект по срочному приведению к стандартам подиума. К её стандартам.

– Алён, – сказал я спокойно. – Кира сказала, ты с ней поссорила.

– Она меня достала, – выплюнула Алёна, поднимая плечи в оборонительной позе. – Она всё время лезет. В мою еду, в мой телефон, в мою жизнь. Она вообще кто?

– Моя невеста, – напомнил я.

Алёна резко села.

– И что? Это не делает её моей мамой!

– Никто не говорит, что она мама, – вздохнул я. – Но она пытается наладить с тобой контакт.

– Пытается сделать из меня... – Алёна скривилась, подбирая слово. – Не знаю. Чёртову куклу Барби. Чтобы ей не стыдно было меня показывать.

– Алён, ты перегибаешь.

– Нет, пап, не перегибаю. Она вчера сказала, что у меня ужасные пищевые привычки. Ужасные! Я ем гвозди? Крыс? Да какое ей дело!

Я представил, как Кира поучает несмышлёного подростка своим безупречным тоном, и понял, что дочь, скорее всего, даже не преувеличивает.

– Понимаю, что Кира тебя раздражает, – в очередной раз вздохнул я. – Но она старается. И ты тоже можешь постараться.

– Я не просила, чтобы она старалась, – бросила Алёна. – Я просила, чтобы она от меня отвалила!

– Алён, – я сделал паузу, – ты действительно её послала? Она отвела взгляд и насупила губки.

– Почему?

– Потому что по-другому она не понимает. Она же как, – Алёна щёлкнула пальцами в воздухе, – как реклама. Её много, она везде, и нет кнопки выключения.

Я едва не улыбнулся. Сравнение было неожиданно точным. Но улыбка сейчас была бы воспринята как поддержка её хамства.

– Слушай, у Киры есть свои особенности, но она не враг. И если ты будешь с ней разговаривать так, как ты говоришь

сейчас, вы никогда не договоритесь.

– А я не хочу договариваться, – пробормотала Алёна и снова развалилась на кровати, уткнувшись в телефон. – Я хочу, чтобы меня оставили в покое.

Бунтарский дух у неё точно в меня. Ох и дров она наломает, пока мозги растут.

– Я прошу тебя о простом, – сказал я. – Будь мягче. Не обязательно соглашаться. Просто не унижай человека. Она взрослый человек, ей тоже неприятно.

Алёна фыркнула.

– Ладно, – бросила она, лишь бы от неё отстали.

Я поднялся.

– Спасибо. И, Алён, – добавил я уже у двери, – если она снова начнёт давить, скажи мне. Не надо устраивать войну.

– Угу, – послышалось за пухлыми от напряжения щёчками.

В коридоре я задержался на секунду, прислушиваясь. Из-за двери снова пошли эти громкие ролики, смех и музыка. Жизнь у подростков кипела в телефоне. В доме она существовала как бы по касательной, и, возможно, это тоже было моей заслугой.

На лестнице меня догнала домохозяйка Наталья, чей основной дар – невидимость – был крайне ценен.

– Константин Иванович, – полушепотом произнесла она, пугливо заглядывая в глаза. – Повариха пришла. На собеседование.

Я остановился. Повариха... повариха. Ах, ну да, инициатива Киры. Пьера ей недостаточно или нагленький французик сам отказался готовить отдельно для Алёнки. Он для персонала-то через губу готовил.

– Сейчас подойду, – кивнул я. – И Киру найдите. Это её идея.

Обычно первые кандидаты всегда пролетают. Шустрые, нагловатые, но совершенно некомпетентные. Мне пришлось провести много собеседований, так что я примерно представлял кого увижу: наглуую, шebutную тётку средних лет, готовую браться за работу прямо сейчас. А через месяц столового серебра недосчитаешься.

Я пошёл в сторону холла и уже по дороге поймал себя на том, что неожиданно нервничаю. Для меня собеседование вполне обычное событие на работе, а здесь речь о доме, моей крепости. Человек, который пришёл работать в дом, где живёт моя дочь. Человек, который будет видеть то, чего не видят клиенты и партнёры.

Я дал себе пять минут. Просто познакомиться, понять, кто передо мной. А дальше пусть Кира решает.

5 глава

Марина

Я ехала в такси, волнуясь так сильно, будто от собеседования зависела моя жизнь. И, честно говоря, так оно и было.

В приложении мелькнула сумма, и у меня внутри что-то неприятно щёлкнуло: одна поездка дороговато выходила. А ведь ещё возвращаться. Увы, к нужному адресу не ходило ничего – ни автобус, ни маршрутка, ни даже тархтящие пригородные «пазики», которые обычно добираются туда, где есть хоть одна остановка и хоть один живой человек.

Машина выбралась из города, и май будто развернул передо мной другую страну: хвойный лес стоял густой, ещё не заплётённый летом, влажный от ночной прохлады. Сосны пахли смолой так резко, что закрытые окна машины не были для них преградой.

– Туда точно можно проехать? – спросил водитель, когда навигатор повёл нас по узкой дороге.

Я пожалала плечами. Откуда мне знать, я что, каждый день в частные резиденции катаюсь?

Минут через десять лес внезапно закончился стеной. Не деревьями, а настоящей стеной: высокий забор, ровный, глухой, без намёка на щёлку, сквозь которую можно попялиться на богатую жизнь. Казалось, что кто-то решил отгородиться не от людей, а от мира вообще.

У ворот стоял пост, и возле него двое мужчин в форме охраны. Суровые лица, короткие движения, и этот взгляд, который обесценивает тебя ещё до того, как ты успел поздороваться.

Такси остановилось.

Один из охранников подошёл к окну водителя, второй встал чуть сбоку, так, чтобы видеть и меня, и салон. Я почувствовала себя не человеком, приехавшим на собеседовании, а посылкой с подозрительным содержимым.

– Документы, – сказал охранник и жестом велел выйти.

Я подала паспорт. Он посмотрел, не торопясь, внимательно. Я же сама засомневалась, что у меня настоящий паспорт, а не дешёвая подделка.

– Цель визита?

– Собеседование. Повар, – ответила я.

Он кивнул и перевёл взгляд на сумку.

– Откройте.

Я послушно расстегнула молнию. Внутри было мелочи, которые не должны никого интересовать: блокнот, ручка, дипломы в файле, влажные салфетки, дешёвые конфеты, которые помогали справиться с волнением.

– Доставайте, – сказал он.

Я достала файл с документами и показала, не понимая, что именно они пытаются найти. Нож? Камеру? Гранату? Вряд ли кто-то поедет взрывать особняки на последние деньги и с дипломом диетолога.

Охранник заглянул внутрь сумки так тщательно, что я невольно подумала: на секретных объектах, наверное, проще, там хотя бы понятно, ради чего столько охраны. А здесь стерегли чью-то жизнь, доведённую до состояния божественной неприкасаемости.

Пока он проверял, водитель такси сидел напряжённый, как струна. Когда охранник, наконец, махнул рукой и ворота медленно поползли в сторону, водитель не поехал. Испугался. Бросил меня, беззащитную женщину, в лапы вон того огромного дома с панорамными окнами во все стены. А мы ведь договаривались, что он меня дожждётся, чтобы отвезти к метро.

Спорить с таксистами бессмысленно, поэтому я расплатилась и пошла на верную смерть с гордо поднятой головой. Едва машина скрылась за поворотом, мгновенно стало тихо. Так тихо, как бывает только там, где нет города: слышно, как щебёнка перекатывалась под подошвой, как ветер задевал верхушки сосен.

За забором лес не исчез, наоборот, его как будто причесали. Дорожка шла через сосны, но уже идеальные: стволы без сухих сучьев, низ подчищен, ни мусора, ни шишек. Воздух пах всё тем же лесом, но к хвое примешались новые запахи свежескошенной травы, влажной земли и тонкий аромат роз, который в северном мае казался немного странным. Откуда в мае цветущие розы?

Газон был идеальный. Не красивый, не ухоженный, а

именно идеальный. Одинаковая длина травинок, ровная зелень без выгоревших пятен, никаких следов жизни, кроме той, которую здесь разрешили. Вдалеке на фоне кустов, двигался садовник: тёмная фигура с инструментом, медленная и точная. Он выглядел частью системы, как фильтр вентиляции или датчик движения, работает, пока никто не видит.

И среди всего этого шикарный дом.

Он был монстром из стекла и бетона, поставленным посреди сосновой красоты так, будто природу сюда привезли декорациями. Огромные плоскости панорамных окон, острые линии, светлые стены, случайно затесавшиеся деревянные элементы веранды и открытой террасы. Дом не стоял, он демонстрировал себя. В нём было слишком много воздуха и слишком мало тепла, даже снаружи.

Я заметила открытые патио, беседки, какие-то террасы, на которых уже стояла мебель – лёгкая, дизайнерская, будто её выбирали не для того, чтобы сидеть, а для каталога красивой и бестолковой мебели. И поймала себя на мысли, которая сама вырвалась: «Зачем это в северном климате? Для понтов!»

У входа меня встретил ещё один охранник.

– Сумку, – сказал он так же бесцветно, как и его коллега у ворот.

Я снова показала сумку. Он заглянул, попросил повернуть файл с документами, осмотрел карманы. Я чувствовала себя максимально неудобно. Меня приглашали готовить еду, но проверяли, будто я пришла вскрывать банковский сейф.

Когда меня, наконец, пропустили, я шагнула внутрь и будто попала в другой мир.

Холл был огромный, высокий, со стеклом и камнем, но без дворцовой тяжести. Свет лился сверху через стеклянные плоскости, отражался в гладких поверхностях, разлетался по углам. Под ногами светлый камень, холодный на вид. Стены строгие, без рисунков и лепнины, но с тонкими линиями подсветки, которые делали пространство похожим на выставочный павильон. Лестницу посередине холла будто подвесили в воздухе: ступени казались отдельными пластинами, без видимых опор. Ни ковров, ни лишнего декора, только несколько крупных абстрактных объектов, которые явно стоили больше, чем можно предположить.

Я в этом холле чувствовала себя мелкой букашкой, которую вот-вот раздавят властные хозяева.

6 глава

Марина

Ко мне подошла немолодая женщина в сером хлопковом костюме, в котором обычно ходят сотрудники клининговых компаний, и полусшепотом уточнила:

– Марина Сергеевна?

Я кивнула, ловя себя на мысли, что дом больше похож на склеп, где запрещено громко говорить. Дышать, наверно, тоже можно только по расписанию.

– Пройдёмте, вас ждут.

Мы шли через холл, и я мельком разглядывала своё отражение в стеклянных перегородках. Надо же, такая забавная – в простой джинсовке, с растрёпанными волосами и аппетитными формами, как и полагается любителю готовить и пробовать приготовленное, с сумкой, купленной лет пять назад на распродаже, и этот дом – чистый и безупречный, как операционная.

Кабинет оказался таким же идеальным: большой стол, ровные поверхности, минимум предметов, максимум пространства. За большим окном зелень, так близко, что казалось, будто лес заглядывает внутрь.

И там были они.

Кира, так её представила дама в сером костюмчике, сидела недвижимой статуей, словно кабинет построили вокруг

неё. Тощая, вытянутая, с лицом, в котором пластика играла такую же роль, как тушь или помада. Надменный взгляд, даже не холодный, а наглый, как будто ей все вокруг задолжали. На пальцах золотые кольца с камнями, размером с опухоль в мозгу, и всё это демонстративно. На шее несколько золотых цепочек, одна на другой, будто она боялась, что люди не заметят её статус, если не будет блеска на каждом сантиметре.

Рядом с ней Константин.

Скала посреди замёрзшего моря. Высокий, спокойный, почти ледяной. Не столько красивый, вроде молодого стриптизёра без футболки, сколько статусный. Тёмные волосы с первыми седыми прядями, первые морщинки в уголках глаз. Лицо собранное, и в нём какая-то каменная отстранённость, будто эмоции у него проходили через внутренний фильтр. Зелёные глаза смотрели колко, без агрессии, но с привычкой оценивать. Подтянутую фигуру не смог спрятать даже строгий костюм. Или костюм был настолько хорош, что прятал всё лишнее от глаз. Он выглядел человеком, которому редко приходится объяснять, почему он прав.

Пытаясь побороть достигший апогея страх, я поздоровалась, назвала себя. Милая женщина в костюме вышла, почти неслышно прикрыв дверь. Как есть склеп, а передо мной хозяйева-призраки.

– Марина Сергеевна, – начала Кира, на мгновение натянув фальшивую улыбочку. – Нам нужен не просто повар, а специалист по питанию. В первую очередь для ребёнка.

Она произнесла «ребёнка» так, как будто речь шла о проблеме, а не о человеке.

– Девочка тринадцати лет, – продолжила она. – Есть лишний вес. Питание необходимо скорректировать. Понимаете? Я кивнула.

– У меня диплом повара, – сказала я и достала документы. – Медицинское образование по врачебному делу и дополнительно я училась на диетолога. Если необходимо подобрать рацион и следовать ему, то это мне под силу.

Пока я распиналась про наличие анализов у ребёнка и прочей необходимой для меня информации, Кира взяла бумаги, пробежалась глазами по строкам и снова уставилась на меня, разглядывая как картину. Ей важно было не то, что я умею, а то, насколько я впишусь в её картину мира.

– Опыт работы в семьях есть? – спросила она.

– Нет, – честно ответила я, понимая, что с этими людьми приврать не получится. Их армия безопасников проверят мою биографию от рождения и до появления в доме.

Константин задал несколько коротких вопросов: график, готовность к переезду, отношение к детям. Он говорил спокойно, но я чувствовала в его тоне почти военную выправку: если вопрос задан, то ответ должен быть точным и по делу.

Я отвечала чётко. Ну, во всяком случае, мне так казалось. Пока говорила, пыталась не пялиться слишком долго на идеальное лицо Киры и притягательно-холодный взгляд Константина.

В какой-то момент дверь кабинета приоткрылась, совсем чуть-чуть, на ширину лица.

Я увидела девочку: тёмные волосы, глаза настороженные, щёки чуть округлые, на теле забавная чёрная толстовка с ядовито-розовыми черепами. Она смотрела быстро, как зверёк, который забежал не туда.

Я сразу поняла: мой пациент. Это её неидеальную внешность решили запихнуть в рамки стандартов рахитных моделей.

На секунду я отвлеклась от восхваления себя любимой и улыбнулась девочке. Та вздрогнула, будто её поймали за преступлением, и тут же исчезла, демонстративно громко хлопнув дверь.

Константин заметно напрягся, а Кира даже не повернула голову, словно ей не было никакого дела до ребёнка.

– Переходный возраст, – сухо сказала она, продолжая бесцельно листать мои бумаги. – Характер непростой. Поэтому нам нужен человек, который сможет не только следить за питанием, но и найти подход к ребёнку.

Это нянька, что ли? Детей я люблю, но на расстоянии. Да и опыта в поисках подхода к детям не имею совершенно. Но пасовать поздно. Я столько денег на такси спустила, что буду бороться за вакансию до конца.

– С детьми в таком возрасте сложно. Но у меня есть идеи, как можно увлечь подростка здоровым питанием. В первую очередь – не говорить ему, что оно здоровое или полезное.

Константин едва заметно улыбнулся, а вот Кира, наоборот, недовольно опустила уголки губ. Что-то не то я ляпнула, но пока не понимала, в чём ошиблась.

Кира отложила бумаги и начала рассуждать вслух, не стесняясь, что я сижу напротив:

– Образование есть, это плюс. Но... не знаю. Внешне... – она окинула меня быстрым взглядом, – вы не производите впечатления человека, который сможет поддерживать нужный уровень. У нас всё должно быть идеально.

Я почувствовала, как у меня внутри поднимается знакомая горячая волна, не обида даже, а злость оттого, что меня измеряют не руками и головой, а ценой шмоток.

– В вакансии ничего не было сказано и продаже впечатлений о себе. У меня есть необходимое для вас образование, умение готовить и, уверена, неплохой шанс наладить доверительные отношения с вашей дочерью.

Кира прищурилась, будто я позволила себе лишнее.

Константин посмотрел на меня внимательнее. И в этом взгляде было что-то другое, не оценка внешности и стоимости шмоток, а принятие окончательного решения.

Кира ещё несколько минут колебалась, задавая вопросы так, будто надеялась найти ошибку: «Готовы ли вы к проверкам?», «Вы понимаете, что у нас охрана?», «Вам комфортно, что вас будут контролировать?»

Я отвечала: да, понимаю; да, комфортно; нет, не страшно.

В какой-то момент она замолчала и посмотрела на Кон-

стантина, ожидая, что он либо поддержит сомнения, либо возьмёт ответственность на себя.

Он откинулся чуть назад и произнёс ровно:

– Образование есть. Готовить умеет. Понимает, что от неё требуется. – Он сделал паузу. – Берём.

Кира открыла рот, чтобы возразить, но тут же закрыла. Опоздала красавица, хозяин принял решение.

Я сидела и держала лицо спокойным, хотя внутри пели стаи птичек. Или с улицы доносилось? А, неважно! Я получила первую работу в жизни. Не мелкую подработку, когда пыталась закрыть финансовые дыры мужа, не помощь с его идеями, когда я ночами пыталась разобраться в документах, а собственную настоящую работу.

Ух, на душе стало так легко, будто кто-то ослабил тугую верёвку и впустил в душную комнату свежий лесной воздух.

Пока мы договаривались о времени выхода и испытательном сроке, я снова подумала про дом. Стекланный, холодный, чужой. Снаружи пахло сосной и майской землёй, а внутри – контролем и дорогими поверхностями, на которых нельзя оставлять следы. Смогу ли я принять правила этого места?

А у меня был выбор?

7 глава

Константин

Женщина вошла в кабинет так, будто дверь была не границей, а просто частью пути. Не зажималась, не пыталась стать меньше. Обычная сумка с чуть потёртой молнией, и это почему-то сразу подкупило: у людей с потёртыми молниями обычно больше опыта, чем пустого хвастовства. Они не пытаются понравиться или впечатлить. Только что эта дама стояла у плиты или считала калории излишне полному пациенту и вдруг сорвалась с места и оказалась в моём доме.

Второе, на что я обратил внимание – голос. Тёплый, ровный, без этого нарочитого «я вам сейчас понравлюсь», которое обычно приклеивают к собеседованию. Она говорила спокойно и хорошо формулировала мысли не расплываясь.

И ещё она казалась весёлой. Не в смысле задорная дамочка с пьяными танцами на столе, а живой: глаза блестели, реакция быстрая, улыбка по делу, а не чтобы заполнить паузу. И всё это несмотря на волнение. Прожжённые искатели тёплых мест обычно ничего не боятся, а эта почти тряслась от страха, хоть и улыбалась.

И да, она была полненькая.

Я машинально отметил это, потому что привык видеть вокруг стройный и иногда чертовски знойных девушек. Следом, уже с тихой внутренней усмешкой: «диетолог с лишним

весом – комбинация интересная». Почти как коуч по финансовой грамотности с тремя кредитами.

Именно своей простотой и недостатками кандидатка и привлекла. Я был почти уверен, что Кира притащит кого-то из своей компании, вроде тарологов, нумерологов, фитнес-няшек и прочих специалистов, мнящих себя профи в очень тонких науках. Ну а что, еду для Инсты фотографирует? Фотографирует. Чем не диетолог?

Кира сразу включила свою стандартную манеру не спрашивать, а допрашивать, как злой полицейский в маленькой, тёмной комнате без камер. Марина выдержала. Не прогнулась, но и не послала куда подальше. А ведь одна домработница отправила Киру в эротическое путешествие через пять минут вот такого допроса.

Признаться, мне всегда было тяжело впускать в дом чужих. Не из-за скрытности, а потому, что чужие люди быстро начинают оставлять в твоём пространстве свои следы. Здороваются по утрам, убирают твою постель, готовят завтрак, охраняют от нежелательных гостей. Сначала это кажется ещё одной ступенькой в обеспеченной жизни. Эдакая необходимость, наравне с парком крутых тачек, презентабельными офисом и костюмом, который шили девственницы при полной луне.

А потом устаёшь от вечной суеты, появляется желание выгнать всех, а самому запереться в доме и никого не пускать. Мой дом-крепость. Мои правила. Моя тишина.

Но этот дом был построен не для меня. Для Кати, матери Алёнки. Она стояла у истоков моего успеха и поддерживала каждую минуту до последнего вздоха. Увы, раку плевать на богатство и статус. Мы боролись до конца всеми возможными средствами. Ублюдок победил.

Не знаю, кто из нас тяжелее переживал утрату. Алёнка была достаточно взрослой, чтобы понимать происходящее. Для неё дом тоже стал крепостью, который она неохотно покидала. Даже училась чаще дистанционно, чем ездила в крутой лицей за бешеные бабки.

В последние месяцы еда превратилась в отдельную нервную систему нашего дома. Алёна почти не ела нормальное. «Не хочу», «потом», «я не голодная» стали самыми частыми словами в столовой. Но вечерами хруст чипсов разносился по всему дому.

Это была её борьба с Кирой. Для неё моя невеста была злейшим врагом, для меня – возможностью пресечь некрасивые слухи о моей ориентации. Оказывается, журналисты жёлтых изданий лучше меня знали, каких сексуальных партнёров я предпочитаю. И пытались убедить во лжи мир.

Слухи били по репутации, а репутация в моём деле – основа всего. Мимолётных связей было недостаточно, поэтому пришлось действовать основательно и привести в дом Киру. Ту, которая на слуху у тех же жёлтых негодяев, но уже не из-за сексуальной ориентации, а из-за известности её отца – владельца узнаваемых отелей по всей стране.

Кира очень старалась понравиться Алёнке. Дочка же закрылась в непроницаемой раковине почти сразу. Делала и продолжает делать всем назло.

Отсюда и вес. Бесформенная одежда – туда же. Следить за собой – мимо.

Я не был идиотом и отлично понимал: переходный возраст столкнулся с серьёзными изменениями в семье и получился взрыв такой мощности, что хрен потушишь. Ещё и Кира не всегда соблюдала границы, желая сделать из девочки себе подобную.

Я смотрел на взволнованную женщину и ловил себя на мысли, что она сможет стать неплохим буфером между Кирой и Алёной. Если не струсит, конечно. А у пышки с горящими глазами получится вернуть мою дочь из царства балахонов и драных штанов, то будет вообще прекрасно.

Когда Кира бросила своё «внешне вы не производите впечатления...», я заметил, как женщина чуть напряглась. Но ответила спокойно, без истерики, без подлизывания. Мне это понравилось. Есть шанс отодвинуть Киру с её заморочками подальше и задавить авторитетом и корочками. Мизерный, но есть.

Я принял решение почти сразу, но дал ему дозреть до слова.

– Берём, – сказал я.

Кира, конечно, собиралась спорить. Ей не нравятся люди, которые не смотрят на неё с придыханием, ловя каждый звук

королевы. Но спорить со мной в присутствии утверждённого кандидата не стала, хватило мозгов.

Пока милая невеста не открыла рот, я перевёл разговор в деловое русло:

– Прежде чем вас окончательно принять, будет три дня испытательного срока. Я не сомневаюсь в дипломе, но мне важно, чтобы вы с домом совпали. И с Алёной, в идеале, тоже.

Она кивнула без раздумий.

– Пока вам выделяют комнату здесь, в доме, за кухней, – продолжил я. – Если всёйдёт нормально, после испытательного срока у вас будет отдельная комната в доме для персонала. Там есть всё необходимое.

Женщина снова кивнула, уже не так активно.

– Вы замужем? – спросил я и тут же словил удивлённый взгляд Киры.

Вопрос без подвоха. Кандидату либо придётся каждое утро приезжать на работу, либо видеться с семьёй по расписанию. Далеко не все на это согласны.

– С семьёй проблем не будет, – уже тише произнесла женщина и спрятала взгляд.

Меня не интересовали подробности. Свои условия я озвучил.

Кира демонстративно отстранилась от беседы, потому что я посмел поступить не по её. Ну что же, очень жаль. Пока мы официально не женаты, это мой дом и здесь действуют

мои правила.

– Пойдёмте. Познакомлю вас с кухней и с Пьером.

Женщина слегка округлила глаза.

– Пьер – это...?

– Наш личный повар. – Я позволил себе короткую сухую улыбку. – И да, прозвучит странно, но мне нужен ещё один повар.

Мы вышли из кабинета. По коридору было слышно только наши шаги и приглушённую жизнь дома – где-то работала вентиляция, где-то тихо закрывалась дверь. Я заметил, как новая повариха украдкой осматривалась: интерьер, свет, стекло, всё это стерильное богатство, которое она наверняка в жизни не видела.

Кухня была отдельным миром. Здесь наконец-то пахло чем-то человеческим: фруктами, тёплым хлебом, чуть сладким ванильным шлейфом. Большая поверхность из камня, профессиональная плита, духовки, холодильники – как в ресторане, и даже лучше.

И посреди всего этого кроль кухни – Пьер.

Он был невысокий, тощий в плечах и руках, но с животом, который будто принадлежал другому человеку и был прикреплён по ошибке. Огромный нос с лёгким изгибом, придавал ему вид карикатурного французского повара. На голове высокий колпак, надетый так, словно он родился в нём. Он стоял у стола и что-то тщательно взвешивал, хмурясь, как алхимик.

Услышав шаги, Пьер обернулся.

– Мсье Константин, – протянул он с тем самым акцентом, который не стирается ни деньгами, ни годами. – Вы принесли мне гостей?

Я заметил, как новенькая сдержала улыбку. Видимо, тоже увидела в нём что-то театральное.

– Это... это... – Чёрт, я забыл, как зовут даму.

– Марина, – не растерялась женщина и протянула руку Пьеру. – Приятно познакомиться.

– Если сойдёмся в ожиданиях, она будет работать в первую очередь по питанию Алёны.

Пьер посмотрел на Марину так, будто перед ним поставили новую специю, и он сомневался, не испортит ли она соус.

– По питанию... мадемуазель Алёна? – переспросил он и поднял брови так высоко, как будто пытался ими потрогать потолок. – О-о. Тогда вам надо не диплом. Вам надо магия.

– Я не маг, – спокойно сказала Марина. – Я повар. И диетолог.

Пьер перевёл взгляд на меня, затем снова на Марину и вдруг выдал с трагической убеждённостью:

– Девчонка не ест ничего. Она ест только пирожные. И шоколад. И, как это, – он щёлкнул пальцами, вспоминая русское слово, – чипсы! Если Пьер не смог достучаться до её желудка, то никто не сможет. Чуть-чуть капризная, совсем чуть-чуть.

Марина не обиделась и не стала оправдываться. Она чуть

наклонила голову, будто примерялась к задаче, и молча кивала.

Уметь молчать и не устраивать скандалы, отстаивая правоту, стало ещё одним плюсом в резюме этой женщины.

– Пьер, объясни наши правила, – указал я и пошёл на выход.

Совещания и встречи никуда не делись. Они всего лишь перенеслись. Уже через час я забыл о Марине, обиженной Кире и не менее насторожившемся Пьере.

8 глава

Марина

Хозяин Константин ушёл быстро, оставив наедине с комичным поваром Пьером. Я стояла перед ним, не зная, куда деть руки, и делала вид, что мне абсолютно нормально оказаться в чужом доме на испытательном сроке. Не, ну а что такого? Огромный особняк, шикарная кухня и можно украдкой представлять себя напыщенной гламурной хозяйкой, не хуже Киры. Когда ещё выпадет шанс пожить в таком домище?

Пьер изучал. Прямо прожигал маленькими карими глазками. Он пока не мог понять, кто я: опасность для его карьеры или ещё одна глупая дурочка, на шею которой повесили трудного подростка.

За большим окном слышались голоса. Я машинально обернулась, не из любопытства даже, скорее хотелось узнать, кто же посмел нарушить гробовую тишину. Двор был вылизанный, как витрина: идеально подстриженные кусты, ровная плитка, ни одной лишней детали.

И машина.

Не просто хорошая, а такая, которую ты замечаешь, даже если принципиально не интересуешься автомобилями. Чёрная, блестящая, с линиями, от которых хочется отвести взгляд, чтобы не чувствовать себя нищеводкой.

Рядом двое крепких ребят. Не в форме, не в костюмах охранников из кино, а в той одежде, в которой мужчины выглядят особенно убедительно: чёрные брюки, чёрные футболки, чёрные весенние куртки. Работники ритуальных услуг и то не такие мрачные.

К машине подошёл Константин, и охранники слаженно принялись за работу. Один сел за руль, второй открыл заднюю дверь хозяину, третий уже залезал на переднее пассажирское сидение. Десять секунд, и машина тронулась с места, увозя моего нанимателя.

Я поймала себя на мысли, что новая жизнь свободной женщины была бы веселей с одним из этих накаченных, суровых мужчин. С таким красавчиком, выражение «как за каменной стеной» играло новыми красками. Волнующими. Неприличными. Аж коленки задрожали.

И если муженёк решит вернуться (а в этом я не сомневалась! Не станет тощая швабра долго терпеть его враньё), то вот такой тестостероновый качок быстренько ему покажет в каком направлении идти.

Дверь на кухню распахнулась и в обитель сковородок вошла Кира. Вошла так, как входят королевы: с лёгкой брезгливостью на лице, складывая на груди длинные пальчики с шикарным маникюром и кольцами наружу.

– Марина, пойдемте, – произнесла она без приветствия, недовольно разглядывая копну моих непослушных волос. – Надо познакомить вас с Алёной. С Пьером потом поболтае-

те.

Я пошла за ней по коридору, потом по воздушной лестнице на второй этаж. Ну надо же, если представить Киру в образе злой мачехи, то я тогда буду чёртовой Золушкой! И где, спрашивается, мои хрустальные туфельки?

Кира остановилась у двери и постучала. Чисто для вида. Не дожидаясь ответа, она толкнула дверь и вошла.

– Алёна, – произнесла она голосом, который предполагает немедленную реакцию.

Комната подростка выглядела как попытка построить домик Барби в натуральную величину. Всё розовое и белое! Прямо до тошноты. И посреди этого ванильно-карамельного безобразия лежало чёрное пятно обычного подростка. Телефон закрывал половину пухленького лица, но я всё равно увидела короткий и тяжёлый взгляд, желающий смерти всему человечеству.

Кира повернулась к ней вполоборота, как к мебели, которая должна слушаться.

– Это Марина Сергеевна, новый повар, – произнесла она вроде и ласково, но надменность никуда не делась. – Она пока на испытательном сроке, так что будь добра, веди себя нормально. Из-за твоих капризов человек может остаться без работы.

Я почувствовала, как у меня внутри что-то неприятно сжалось. Не из-за того, что меня называли временной – это я переживу. А из-за того, как легко взрослый человек вешает

ответственность на подростка и ещё называет это воспитанием.

Алёна даже не шевельнулась. Полное отсутствие реакции. Так игнорируют не потому, что дерзкие. Просто бессмысленно отвечать. Её всё равно не услышат.

Кира, удовлетворённая собственным выступлением, бросила на меня взгляд:

– Вот. Делайте выводы. Завтра она должна завтракать нормально. Константин этого хочет. Я тоже.

Кира вышла не попрощавшись. Дверь за ней закрылась, и в комнате стало чуть тише. Я осталась одна с девочкой, которая делала вид, что меня нет.

Я стояла несколько секунд, выбирая, с чего начать. У меня не было психологического образования. Зато было достаточно жизненного опыта, чтобы понимать: сейчас здесь не про еду.

Пытаться быть на одной волне с подростком мне, взрослой тёте, совершенно бессмысленно. Детишки считают фальшь лучше любого детектора лжи.

Но никто не запретит мне быть собой.

– Ну... короче... да-а-а...

Я расхаживала по комнате, разглядывая разбросанные на компьютерном столе карандаши и торчащую из-под шторы пустую пачку чипсов. Клинический случай. И это я не про чипсы.

– Слушай, тебе так сильно розовый нравится или это ком-

ната пыток?

Алёна на секунду оторвалась от экрана, бросила на меня колючий взгляд и снова уткнулась в телефон.

– Пофиг.

– А ремонт сделать не пробовали? Если с финансами туго, могу подсказать бюджетные варианты.

– Этого дерьма навалом, – фыркнула девочка, старательно делая вид, что увлечённо смотрит какой-то дурацкий ролик.

Ладно. Шутки про розовые обои не зашли. Пойдём с другой стороны.

Я села на пол у кровати, сложила руки на розовом пледе и внимательно смотрела на девочку, пока безумная музыка в ролике не стала тише.

– Слушай, малявка, если хочешь вести нормальную войну с родителями, то даю бесплатную подсказку: ты проигрываешь по всем фронтам.

Девочка смахнула ролик, и в комнате, наконец, воцарилась долгожданная тишина.

– Кира мне не родитель, – проворчала она.

– Тогда ты дважды проиграла. Прежде чем идти на врага с оружием, подумай, можно ли победить его хитростью. Между прочим, из умной книжки какого-то там Саши... Сани.

– Сунь-Цзы, «Искусство войны», – поправила Алёна и отложила телефон. – Полная фигня. В этом доме так войны не выигрываются.

Ого, а девочка не глупая. Надо осторожнее про книжки

говорить.

– Значит, знаешь как надо? Поделишься?

Девочка посмотрела на меня с хитрецей и растянула довольную улыбку:

– Делюсь: лучше собирай вещи и беги как можно дальше.

– Ха! Я так просто не сдаюсь!

– Ха! У тебя нет выбора, – передразнила готичная негодяйка.

Я тут же сделала максимально серьёзное лицо и полушёпотом, как заговорщик, произнесла:

– Выбор есть всегда, малявка. Ты либо со мной, либо против меня. Но для начала советую сравнить габариты. Я тебя в асфальт закатаю быстрее, чем успеешь пожаловаться папке. А рядом Мегеру тощую положу.

Алёна напряглась. Не в шутку, а по-настоящему. Значит, мне удалось расковырять непроницаемый панцирь и чуть-чуть задеть за живое.

– Короче, говорю как есть. Меня приставили к тебе, сделать из нормальной девочки копию твоей... а она тебе кто вообще?

– Невеста папы, – проворчала Алёна.

– Н-да... Ну да ладно, неважно. Лечить здорового бессмысленно, а недомачеха просто так с тебя не слезет. Так что с этого дня ты играешь по моим правилам. Правило первое: вводим в заблуждение.

– То есть, врем? – уточнила заинтересованная девочка.

– Притворяемся, – кивнула я. – Прямо как ты перед взрослыми. Только ты это делаешь до смешного фальшиво. Я научу как надо. Правило второе: чем сильнее ты отталкиваешь отца и Мегеру, тем больше они к тебе лезут. Вот эти твои «не хочу, не буду» оставь малышам, которые писаются в подгузники.

– А третье правило?

Его я ещё не придумала.

– Сначала эти доведём до идеала. Давай договоримся: на ужин ты привычно игнорируешь мою стряпню, а на завтрак я готовлю нормальную еду под видом полезной фигни, и ты это ешь на радость Мегеры. Справишься – обожрёмся чипсами вместе. Накосячишь – свяжу и заставлю жевать варёную морковку. И не надейся на папку или охрану, они не помогут.

– Ошибаешься! – хищно улыbnулась девочка. – У них оружие есть.

– А у меня варёная морковка и взгляд лютой бабы, готовой эту морковку им в зад... короче, это страшное оружие. Его будем использовать только в самых безвыходных ситуациях. Ну так что, император Поднебесных готов, послушаешь своего генерала?

Алёна улыбалась, но в глазах плескалось недоверие. Надо было дожимать.

– Всё очень просто, ведьмочка: если мы не сработаемся, то Кира вместо меня притащит какую-нибудь гламурную по-

дружку, помешанную на йоге, питании листиком подорожника и подзарядки от солнца. И будет в твоём доме две Мегеры. Они примерно так и размножаются. Я пока побуду твоим, как бы это сказать... резиновым изделием номер два, который остановит размножение гламурных цыпочек на твоей территории.

– Что такое изделие номер два?

– Подрастёшь – узнаешь.

Алёна потрясла телефоном:

– Я же найду.

– Ну, значит, станешь немного взрослее, любопытная козьявка.

9 глава

Константин

Я вернулся домой ближе к вечеру, когда голова уже гудела от цифр, чужих голосов и своих же решений. День выжал насухо. Сначала совещания, потом разбор с подрядчиком, потом ещё один звонок, из тех, где ты должен говорить долго и спокойно, хотя внутри хочется стукнуть кулаком по столу.

По дороге домой я поймал себя на том, что думаю не о работе, а о том, что меня ждёт дома. И это было плохим признаком.

В холле было привычно тихо, только издалека доносились голоса, почти шёпот, но с нервными нотками. Кира опять отчитывала Алёнку в столовой.

Я ослабил галстук, выключил звук на телефоне и пошёл туда, где звучали голоса.

В столовой уже ждали Кира и Алёна. Наша маленькая семейная традиция: если я не в отъезде, девочки обязательно дождутся меня к ужину.

Даже под вечер Кира выглядела как картинка идеальной жизни. Причёска, свежий макияж, ровная спина под красивым платьем. Казалось, она сейчас встанет из-за стола и поедет на званый вечер. Но пока карета не подъехала, Кира жевала толстую ветку какой-то травы, причём с таким аппетитом, будто это сочный стейк.

Чёрное пятно напротив красавицы – Алёна. Балахон превратился в футболку, но смысл не изменил. Она была чернее ночи и такая же бесформенная, как надвигающиеся тучи на небе. Ещё и спину сгорбила, отчего выглядела ещё округлее.

– Добрый вечер, милый, – дежурно улыбнулась Кира, дожёвывая свой куст.

Алёна лишь кивнула и со вселенской печалью посмотрела на телефон рядом. За столом никаких телефонов – правило королевы дома.

Едва я сел за стол, как из ниоткуда появился Пьер и принялся суетиться вокруг нас, выставляя блюда с показной точностью. Он всегда так делал, пытаясь показать, что не просто так живёт в моём доме.

Пьер открыл крышку одного из блюд. Комната наполнилась тонким ароматом морской рыбы, лимона и трав, вызывая повышенное слюноотделение. Повар аккуратно разложил горячее по тарелкам, но только мне и Кире. Перед Алёнкой было пусто.

Она спрятала тарелку, лишь бы не есть вместе с нами? Ну прямо новый уровень противостояния.

И только когда в столовой появилась Марина с отдельным блюдом и стаканом молока, я вспомнил, что у дочки теперь собственный повар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.